

Петр Владимирович Акульшин
(Рязанский государственный университет)

«Просвещенная» бюрократия первой половины XIX века и проблема реформирования России*

Самодержавные монархи Российской империи управляли огромным государством, опираясь на бюрократический аппарат. Российская бюрократия XIX в. в глазах современников, а затем и потомков, стала символом всего негативного, существовавшего в обществе той эпохи. В общественном сознании она прочно связана с такими одиозными явлениями как крепостничество, деспотизм и тирания. В современной России, не смотря на рост ностальгии по отношению к монархическому прошлому, слово «бюрократия» имеет сугубо негативную коннотацию. Но при всех своих многочисленных недостатках бюрократия Российской империи не только два столетия обеспечила относительно стабильное развитие народов, населяющих 1/6 часть земного шара, но и подготовила и провела успешные реформы середины XIX в., которые стали важным шагом в модернизации России.

В современной российской историографии существуют два подхода к определению времени формирования бюрократии в России. Первая из них связывает ее появление с периодом объединения русских земель вокруг Москвы в единое государство, вторая – относит ее становления к периоду возникновения и развития Российской империи¹. Представляется, что вторая точка зрения больше соответствует как введенным в настоящее время в оборот источникам и

* Исследование подготовлено при финансовой поддержки Российского гуманитарного научного фонда. Грант 15-01-00026а «Кризис аграрного социума в имперской России: голод 1891-1892 гг. в Центрально-Черноземном регионе».

Praca powstała przy finansowym wsparciu Rosyjskiego Humanistycznego Funduszu Naukowego. Grant 15-01-00026a „Kryzys agrarnej społeczności w Rosji imperialnej: głód 1891-1892 w centralno-czarnoziemnym regionie”.

¹ Patrz: Н.Ф. Демидова, *Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII-XVIII вв.*, [w] *Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.)*, Moskwa 1964; С.М. Троицкий, *Русский абсолютизм и дворянство XVIII в.*, Moskwa 1974; Б.Н. Миронов, *Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX вв.)*. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1-2, Sankt Petersburg 2000; Л.Ф. Писарькова, *Государственное управление в России с конца XVII до конца XVIII в.: Эволюция бюрократической системы*, Moskwa 2007.

фактам, так и концептуальным общениям российской истории. Бюрократизация аппарата управления Российским государством растянулась на длительное время. Количественно и качественно немногочисленные чиновники XVI-XVII вв. представляло собой тот социальный слой, который можно охарактеризовать как «протобюрократию». Даже на протяжении всего XVIII столетия определяющую роль в формировании и проведении политического курса играли придворные круги, влияние которых сказывалось и впоследствии, вплоть до крушения монархии в 1917 г. Роль бюрократии возрастала постепенно, тенденция ее превращения в относительно самостоятельную политическую силу вполне определилась в Российской империи в первой половине XIX в.

Превратившись в эпоху правления императоров Александра I и Николая I в достаточно многочисленный и относительно эффективный аппарат управления, бюрократия стала тем инструментом, который позволил этим монархам шаг за шагом делать осторожные, но важные шаги по пути реформирования государства.

На протяжении первой половины XIX в. во внутренней и внешней политике Российской империи перешлетались, взаимодействуя и противоборствуя, два направления: охранительное и реформаторское². Деятели обоих направлений являлись представителями правящей элиты Российской империи и ставили перед собой задачу укрепления монархии и сохранения доминирующей роли дворянства во всех сферах жизни. Но методы достижения, как и представления об идеальном устройстве монархии и способе реализации ведущей роли «благородного сословия» в обществе, у них различались.

Преобладающим в правящих кругах России было стремление к сохранению существующего статус-кво и отрицание самой возможности перемен. Сторонники преобразований, хотя и находились в меньшинстве, смогли определить во многих чертах дальнейшее развитие страны, воплотившееся в Великих реформах 1860-1870-х гг. Их подготовка и проведение были связаны с целой плеядой государственных деятелей эпохи правления Александра II, за которыми в российской историографии закрепилось наименование «либеральная бюрократия». Ее появление в рядах правящей элиты и несомненные успехи в деле реформирования России были бы невозможны без деятельности предшественников – «просвещенной» бюрократии первой половины XIX в. Использование этого термина обустлавливается как основополагающим влиянием на эту часть бюрократии идей «века Просвещения», так и тем вкладом, который сделали ее представители во все сферы российского просвещения в первой половине XIX века.

² О реформаторским kierunku w polityce wewnętrznej Imperium Rosyjskiego w 1 ćwierci XIX w., patrz: A.B. Предтечинский, *Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в.*, Moskwa-Leningrad 1957; Н.В. Минаева, *Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в.*, Saratów 1982; С.В. Мироненко, *Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в.*, Moskwa 1989; Л.Ф. Писарькова, *Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение*, Moskwa 2012. Tendencja do traktowania polityki Mikołaja I jak kontynuacji rozwoju rządowych reform z poprzedniego okresu, w historiografii rosyjskiej pojawiła się wraz z wydaniem następującej monografii: Л.В. Высокочков, *Император Николай I: человек и государь*, Sankt Petersburg 2001.

На протяжении царствований Александра I и Николая I сменилось два поколения «просвещенной» бюрократии. К первому относились те деятели, чья молодость пришлось на правление Екатерины II и Павла I, а государственная деятельность на первую треть XIX в. Их общественно-политические взгляды сформировались под непосредственным влиянием идей «века Просвещения» и событий Великой французской революции конца XVIII в. Наиболее ярким олицетворением этого поколения стали «молодые друзья» императора: граф П.А. Строганов, Н.Н. Новосильцев, граф В.П. Кочубей и князь А.А. Чарторыйский³. В 1801-1806 гг. они составляли влиятельную неформальную группу под названием «Негласный комитет» и оказывали воздействие на правительственный курс и в правление Николая I. По происхождению и положению они были представителями высшей придворной аристократии. Но их реформаторская программа заключалась не в преобразовании Сената для расширения роли аристократии, а в формировании эффективного бюрократического аппарата для ограждения монарха от колебаний настроения дворянства. Главным воплощением их усилий стала министерская реформа 1802 г. Она оказала несомненное влияние на быстрый уход в прошлое традиций управления предшествующей эпохи, когда борьба придворных группировок и значительная роль гвардии как инструмента управления постоянно порождали угрозу дворцовых переворотов. Сами же «молодые друзья» из фаворитов монарха, чье влияние опиралось на неформальные связи с ним, стремились стать бюрократами, руководителями ведомств и учреждений. Тем самым они создавали возможности по продвижению к высотам государственной власти для новых представителей бюрократии, одним из которых стал М.М. Сперанский.

Программа внутренней политики после завершения войн с Наполеоном была изложена в записке графа В.П. Кочубея «О положении империи и о мерах к прекращению беспорядков и введению лучшего устройства в разные отрасли, правительство составляющее» (1814 г.). В ней предлагалось продолжить начатые в 1801-1804 гг. преобразования административного аппарата на основе принципа разделения властей и при сохранении самодержавной власти как главного залога успешности и необратимости реформ.

[...] Россия, следуя большими шагами за просвещенным образованием и поставив себя в числе держав европейских, необходимо должна и установления свои располагать образом, соответствующим европейской державе; что установления, которые могли быть удобны за век или полвека назад, не могли быть свойственны государству, приближающемуся ежечасно к другим народам, большое общество европейское составляющим⁴.

³ О „młodych przyjaciółach” w „Niejawnym Komitecie”, patrz: М.М. Сафонов, *Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX в.*, Leningrad 1988; М.А. Крысань, Адам Ежи Чарторыйский, „Вопросы истории” 2001, № 2; А.Н. Долгих, Виктор Павлович Кочубей, „Вопросы истории” 2009, № 2.

⁴ В.П. Кочубей, *О положении империи и о мерах к прекращению беспорядков и введению лучшего устройства в разные отрасли, правительство составляющее*, [w] *Сборник Российского исторического общества*, Sankt Petersburg 1894, t. 90, s. 6, 17.

Эта политическая программа продолжала реализовываться и в царствование императора Николая I, не смотря на ощутимое противодействие многочисленных противников преобразований. Дело, начатое членами «Негласного комитета», продолжили представители нового поколения «просвещенной» бюрократии. Начало их служебной карьеры пришлось на 1810-е гг., а завершение – на 1850-е гг., некоторым из них удалось дожить и до начала «великих реформ». Наиболее заметными фигурами этого поколения были члены дружеского кружка дворянской молодежи, который сложился в Москве в 1800-гг., а в 1815 г. расширился до литературного общества «Арзамас» в Петербурге⁵. Из этого кружка вышли три министра Николая I: Д.Н. Блудов, Д.В. Дашков, С.С. Уваров. К нему принадлежали и такие видные фигуры, как В.А. Жуковский и князь П.А. Вяземский⁶. Их сверстником и другом являлся граф П.Д. Киселев, с именем которого связана реформа положения государственных крестьян. К их единомышленникам можно отнести и целый ряд других государственных деятелей эпохи Николая I. В своем большинстве по происхождению они принадлежали не к верхушке придворной аристократии, а к крупному и среднему дворянству российской провинции, начало жизненного пути которого было связано не с чиновным Петербургом, а со «старой» столицей.

Общественно-политические взгляды этого поколения «просвещенной» бюрократии сложились также под влиянием политических доктрин века Просвещения, дополненного опытом европейских событий первой трети XIX в. Их воззрения на конкретные вопросы в зрелом возрасте менялись, но верность своим идеалам они сохранили до конца жизни. Традиции эпохи «просвещенного абсолютизма» XVIII в. уже не удовлетворяли сторонников преобразований, поскольку реформаторские начала зависели исключительно от самого монарха и его фаворитов и в любой момент могли смениться деспотизмом и произволом.

Члены Негласного комитета, а позже и участники общества «Арзамас», принадлежали по уровню образования и интеллекта к наиболее образованной части российского общества. «Молодые друзья» Александра Павловича оказали заметное влияние на общественную жизнь столицы в последние годы царствования Екатерины II и в правление Павла I. Еще более заметное влияние на литературно-общественную жизнь оказали члены «Арзамаса», которые на протяжении 1810-1830-х гг. играли важную роль в развитии отечественной журналистики и литературе. С их именами связано издание таких периодических изданий, как «Вестник Европы», «Сын Отечества», «Московский телеграф», «Литературная газета». В состав этого общества входил ряд выдающихся поэтов: В.А. Жуков-

⁵ Historia towarzystwa literackiego „Arzamas” w rosyjskiej tradycji badawczej traktowana jest przede wszystkim jako część historii literatury, patrz: М.Л. Майофис, *Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815-1818 гг.*, Moskwa 2008.

⁶ Patrz: В.Г. Сироткин, *Борьба в лагере консервативного русского дворянства по вопросам внешней политики после войны 1812 г. и отставка И. Каподистрии в 1822 г.*, [w] *Проблемы международных отношений и освободительного движения*, Moskwa 1975; Ц.Х. Виттекер, *Граф Сергей Семенович Уваров и его время*, Sankt Petersburg 1999; М.М. Шевченко, *Конец одного величия: власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ*, Moskwa 2003; Р.В. Иезуитова, *Жуковский и его время*, Leningrad 1989; П.В. Акульшин, П.А. Вяземский. *Власть и общество в дореформенной России*, Moskwa 2001.

ский, К.Н. Батюшков, князь П.В. Вяземский, А.С. Пушкин. Арзамасцы внесли значительный вклад в формирование отечественной публицистики (Д.В. Дашков, С.С. Уваров, князь П.А. Вяземский) и в развитие исторического самосознания русского народа. Первое их заметное выступление произошло в 1809-1811 гг. в ходе полемики «о старом и новом слоге». Будущие «арзамасцы» выступали против традиционалистских настроений в обществе с позиций, близких политическому курсу, проводимому Негласным комитетом и М.М. Сперанским. Суть их точки зрения выразил К.Н. Батюшков в ноябре 1809 г.:

Любить отечество должно. Кто не любит его, тот изверг. Но можно ли любить невежество? Можно ли любить нравы и обычаи, от которых мы отделены веками, и что еще более, целым веком просвещения? Зачем же эти усердные маратели восхваляют все старое?⁷.

Но при всей активности в общественной сфере представители «просвещенной» бюрократии как в своих реформаторских планах, так и в практических делах стояли на позициях «гувернаментализма». Основным путем воздействия на действительность они считали государственную службу, которая единственная, по их мнению, давала законную и реальную возможность реформировать страну. Поэтому литература, журналистика, филантропия и другие формы общественной активности, являлись для них только дополнением к служебной карьере, которую все они стремились. Молодые аристократы из числа «молодых друзей» Александра Павловича и представители среднепоместного дворянства из числа членов общества «Арзамас» пытались реализовать свои просветительские идеалы на государственной службе⁸. Создание тайных обществ и тем более открытые антиправительственные мятежи подобные декабрьским событиям 1825 г. в Петербурге и в ноябре 1830 г. в Варшаве они осуждали, как и большинство российского дворянства. Это не исключало определенных точек соприкосновения с идеями и даже делами тайных обществ, особенно в период существования «Союза Благоденствия», а также проявления милосердия и сочувствия к осужденным декабристам⁹.

⁷ К.Н. Батюшков, *Письмо Н.И. Гнедичу, 4 декабря 1809 г.*, [w] *tenże, Сочинения*, Sankt Petersburg 1886, t. 3, s. 57-58.

⁸ W rozpatrywaniu rozwoju wzajemnych stosunków społeczeństwa i władzy w pierwszej połowie XIX w. historiografia rosyjska coraz bardziej przechodzi od analizowania konfliktów między nimi do poszukiwania ról współdziałania, patrz: А. Н. Пыпин, *Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов*, Sankt Petersburg 1906; М. К. Лемке, *Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. По подлинным делам III отделения собственной е. и. в. канцелярии*, Sankt Petersburg 1908 И.А. Федосов, *Революционное движение в России во второй четверти XIX в.*, Moskwa 1958; В. А. Дьяков, *Освободительное движение в России. 1825-1861*, Moskwa 1979; В.М. Бокова, *Эпоха тайных обществ*, Moskwa 2003; В.Я. Гросул, *Русское общество XVIII-XIX в. Правительственная политика и общественное мнение*, Sankt Petersburg 2009.

⁹ O różnorodnych aspektach związków między członkami tajnych towarzystw dekabrystów i biurokracji, patrz: П.В. Ильин, *Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825-1826 гг.*, Sankt Petersburg 2004; В.А. Шкерин, *От тайного общества до Святейшего Синода. Декабрист С.Д. Нечаев*, Jekaterynburg 2005; П.В. Ильин, *Между разговором и престолом. Я.И. Ростовцев о событиях междоусобия 1825 г.*, Sankt Petersburg 2008; В.А. Шкерин, *Декабристы на государственной службе в эпоху Николая I*, Jekaterynburg 2008.

Оба поколения просвещенных бюрократов были сторонниками отмены крепостного права и значительных изменений в сфере государственного управления, доходящих до признания возможности введение в России конституции и создания общеимперского парламента конституционных преобразований государственного строя и права. Итогом политических исканий императора Александра Павловича и членов Негласного комитета стало такое явление, как правительственный конституционализм, наиболее ярким проявления которого стал конституционный проект М.М. Сперанского 1809 г. Александр I и после окончания наполеоновских войн не отказался от идеи преобразования России. Важнейшим полигоном для его практической реализации было Царство Польское¹⁰. Польская конституция 1815 г. послужила основой для составления в 1818-1820 гг. общеимперской конституции – Государственной Уставной грамоты Российской империи, которая предусматривала деление государства на ряд крупных территорий, где со временем должны были быть созданы собственные представительные учреждения¹¹. Сформировавшейся у деятелей первого поколения просвещенной бюрократии подход заключался в проведении более активных преобразований на окраинах Российской империи и гораздо более осторожных реформаторских шагах в центральных губерниях¹². Окончательный отказ от этого курс был связан, прежде всего, в связи с революциями во Франции и Бельгии и восстанием в Польше в 1830-1831 гг.

Они, как и европейские события предшествующих лет, включая и Отечественную войну 1812 г., заставили новое поколение просвещенной бюрократии иначе взглянуть на проблему реформирования и обратиться к поискам ответа на вопрос о национальном своеобразии России и русского народа. Это явилось одним из проявлений общеевропейского кризиса просветительской идеологии и вытекающей из него политической практики. Итогом этих поисков явилась система взглядов, получившая название теории «официальной народности»¹³. В ее формировании сыграли важную роль члены литературного общества «Арзамас», которые считали себя учениками и продолжателями Н.М. Карамзина. Один из членов «Арзамаса» А.И. Тургенев писал в феврале 1816 г.:

Его историю ни с какою сравнить нельзя, потому что он приноровал ее к России, то есть она изымалась из материалов исторических, совершенно свой особенный

¹⁰ Patrz: *Из истории автономного Королевства Польского. 1815-1830*, Moskwa 2010. O podobnych podejściach w polityce Imperium Rosyjskiego do Mołdawii i Wołoszczyzny, patrz: В.Я. Гросул, *Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20-30-е годы XIX в.)*, Moskwa 1966.

¹¹ Patrz: К.С. Чернов, *Забитая конституция «Государственная уставная грамота Российской империи»*, Moskwa 2007.

¹² Patrz: В.Я. Гросул, *У истоков Бессарабской автономии в составе России*, „Вестник Российского университета дружбы народов” seria: *история России*, 2012, № 1; Э. Доннепрт, *Либеральный конституционализм и конституционные проекты времен Александра I для Финляндии, Польши и России*, [w] *Славянские народы: Общность истории и культуры*, Moskwa 2000.

¹³ O formowaniu teorii oficjalnej ludowości, patrz: А. Зорин, *Кормя двуглавого орла... Литературная и государственная идеология в России последней трети XVIII-первой трети XIX века*, Moskwa 2004; С.В. Удалов, *Государственная идеология в России второй четверти XIX в.: Пропаганда и реализация*, автореф. дис. ... канд. истор. наук, Saratów 2005.

национальный характер имеющих. Не только это будет истиной начала нашей литературы, но история его послужит нам краеугольным камнем для православия, народного воспитания, монархического правления и, Бог даст, русской возможной конституции. Она объяснит нам понятие о России или, лучше, даст нам оных. Мы узнаем, что мы были, как проходили до настоящего status quo и чем мы можем быть, не прибегая к насильственным преобразованиям¹⁴.

Знаменитая триада «православие, самодержавие, народность», сформулированная С.С. Уваровым, отражала те выводы, к которым пришли «арзамасцы» еще в 1820-х гг., и явилась российской разновидностью такого общеевропейского политического течения, как легитимизм. Сложившееся в эпоху наполеоновских войн и кризиса феодальных монархий в Европе это течение отражало стремление части правящей европейской элиты сохранить образовавшееся на континенте к 1815 г. статус-кво и признать многие перемены, произошедшие после 1789 г.¹⁵

Теория «официальной народности» во второй четверти XIX в. получила широкое распространение в российском обществе, что привело к появлению ее различных модификаций. В понимании просвещенной бюрократии эта концепция не сводилась к чисто охранительным началам, а выражала растущее национальное самосознание, связывая идею самобытности России с необходимостью преобразования страны. «Просвещенные» бюрократы пытались реформировать страну, сохранив внутреннюю стабильность и международный статус Российской империи как великой европейской державы. В этой трактовке теория «официальной народности» становилась идейной основой такого политического явления, как консервативное реформаторство второй половины XIX–начала XX в. Стоит отметить, что вплоть до крушения монархии в 1917 г. его представители не смогли найти адекватный способ использовать в своей политике такой эффективный инструмент как лоялистские настроения части нерусского населения империи¹⁶.

Важнейшим инструментом в деле преобразования страны «просвещенная» бюрократия считала развитие народного просвещения и свободы печати под разумным и заботливым контролем властей. Это нашло воплощение в реформе народного образования в первые годы правления Александра I и последовавших вслед за этим усилий на этом поприще С.С. Уварова и его сверстников, в частности В.А. Жуковского в роли наставника наследника престола. Представители второго поколения просвещенной бюрократии оказали непосредственное влияние

¹⁴ А.И. Тургенев, *Письмо С. И. Тургеневу, 2 марта 1816 г.*, [w] tenże, *Письма к брату С.И. Тургеневу*, Moskwa - Leningrad 1936, s. 12.

¹⁵ O legitimacyzmie, patrz: А.Н. Шебунин, *Европейская контрреволюция в первой половине XIX в.*, Leningrad 1925; Н.В. Минаева, *Европейский легитимизм и эволюция политических представлений Н.М. Карамзина*, „История СССР” 1982, № 5.

¹⁶ Patrz: А.И. Миллер, *Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования*, Moskwa 2008. O tym problemie w odniesieniu do polsko-rosyjskich stosunków pierwszej połowy XIX w., patrz: Л.Е. Горизонтов, *Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX - начало XX в.)*, Moskwa 1999; *Западные окраины Российской империи*, Moskwa 2007; Н.М. Филатова, *Между официозом и национальным стереотипом: образ России в польской культуре 1815-1830 гг.*, [w] *Русская культура в польском сознании*, Moskwa 2009; П. Глушковский, Ф.В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века. Эволюция идентичности и политических воззрений, Sankt Petersburg 2013.

на расцвет официальных периодических изданий в 1830-1840-е гг., подготовили почву для роста общественно-политической периодики в пореформенную эпоху. Повышению социального статуса науки и научных учреждений способствовала деятельность на посту президентов Академии наук Н.Н. Новосильцева, С.С. Уварова и Д.Н. Блудова¹⁷. В отчете о десятилетии своей деятельности в должности министра народного просвещения С.С. Уваров с удовлетворением писал:

[...] главная задача по Министерству народного просвещения состояла в том, чтобы собрать и соединить в руках правительства все умственные силы, дотоле раздробленные, все средства общего и частного образования, оставшиеся без уважения и частью без надзора, все элементы, принявшие направления неблагонадежные или даже превратные, усвоить развитие умов потребностям государства, обеспечить, сколько дано человеческому размышлению, будущее в настоящем¹⁸.

Все усилия по развитию просвещения, печати и науки осуществлялись бюрократическими методами и имели четко выраженный сословный характер. По субъективному замыслу «просвещенных» бюрократов все эти меры были направлены на формирование нового типа дворянина и чиновника, но объективно они создавали в перспективе и условия для модернизации всего российского общества¹⁹.

Но даже вступление на престол Александра Павловича и превращение членов Негласного комитета в ближайших приближенных царствующего монарха, как и продвижение бывших членов общества «Арзамас» по чиновничьей лестнице вплоть до министерских постов не привело к полному воплощению в жизнь их реформаторских идеалов. Их стремление к преобразованиям порождали столкновения с той социальной средой, с которой они были теснейшим образом связаны. Ближайшее окружение монархов и придворное общество, основная масса чиновничества и большинство дворянство разделяли, в своем большинстве, традиционалистские настроения, которые по мере появлений нового трансформировались в российский вариант охранительного консерватизма. Представители «просвещенной» бюрократии неизбежно втягивались в постоянные и многочисленные конфликты, как служебного, так и личного плана. Их стремление к самостоятельности и добросовестному исполнению своего долга, критические высказывания, основания для которых в избытке давала существующая действительность, часто вызывали непонимание и даже подозрения в оппозиционности. Хотя эта оппозиционность не выходила за рамки недовольства отдельными сторонами существующих порядков.

¹⁷ O wpływie „oświeconej biurokracji” na rozwój rosyjskiej nauki, patrz: М.Ф. Хартанович, *Ученое сословие России: Императорская Академия наук второй четверти XIX в.*, Sankt Petersburg 1999; Во главе первенствующего учебного сословия России: Очерки жизни и деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. 1725-1917, Sankt Petersburg 2000.

¹⁸ С.С. Уваров, *Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833-1843*, Sankt Petersburg 1864, s. 107.

¹⁹ O wpływie „oświeconej biurokracji” na rozwój uniwersytetów rosyjskich, patrz: Ф.А. Петров, *Российские университеты в первой половине XIX в.: Формирование системы университетского образования*, ks. 3, Moskwa 2000.

Политическим идеалом «просвещенной» бюрократии была не быстрая и насильственная ломка старого, а стремление к постепенной перестройке и улучшению. Они пытались найти наиболее эффективный способ реформирования политической и социальной системы, не подвергая ее риску разрушения. Эти поиски часто сопровождались неудачами и вынужденными компромиссами с той действительностью, которая не устраивала просвещенную бюрократию. Это порождало апатию и разочарование, парализовало волю и энергию. Даже непосредственная поддержка самодержавной власти в лице монарха не всегда приносила успех. Сам Александр I в сложной внешнеполитической обстановке был вынужден идти на политический компромисс, учитывая преобладающие в обществе традиционалистские настроения и принося в жертву своих единомышленников-реформаторов, как это случилось с М.М. Сперанским.

Представители «просвещенной» бюрократии были немногочисленной группой среди высшего чиновничества Российской империи. Но их стремление к переменам до определенного момента отвечало общим тенденциям развития российского общества. Развитие системы образования, в особенности открытия и деятельность таких учебных заведений как Александровский лицей и Училище правоведения, приводило к постепенному увеличению сторонников перемен в рядах чиновничества²⁰.

Рассмотрение эволюции местного управления в дореформенную эпоху позволяет сделать вывод, что постепенно деятельность «просвещенной бюрократии» стала проявляться не только в столицах, но и в провинции. На общегосударственном уровне реформаторские замыслы Александра I и роль бюрократии как инструмента их реализации вполне определенно проявились в первое десятилетие правления этого монарха. На губернском уровне эта тенденция стала проявляться только после завершения Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии.

Одной из самых значимых шагов в этом направлении стало создание в последнее десятилетие правления императора Александра I генерал-губернаторств в центральных районах страны²¹. Бывший министр полиции А.Д. Балашов возглавил существовавшие в 1819-1827 гг. генерал-губернаторство в составе Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний с центром в Рязани. В момент назначения на эту должность он получил от императора указание готовить подчиненные ему территории к преобразованиям, которые предусматривались проектом Государственной Уставной грамоты Российской империи 1818-1820 гг.²²

²⁰ О „oświeconej biurokracji” jako o rozwijającej się warstwie urzędników rosyjskich, patrz: И.В. Ружицкая, «Просвещенная бюрократия». 1800-1860-е гг., Москва 2009; таж, *Просвещенные бюрократы первой половины XIX в. – новый тип российских чиновников: опыт характеристики*, [w] *Dzieje biurokracji na ziemiach polskich*, t. III, cz. 1, red. A. Górak, K. Latawiec, D. Magier, Lublin-Siedlce 2010, s. 181-188.

²¹ Patrz: В.Г. Арутюнян, *Генерал-губернаторства в начале 1820-х гг.*, „Вестник Московского университета” seria 8: История, 2005, № 4.

²² О bezpośrednim związku działalności administracyjnej general-gubernatorów tej epoki z planami reformatorskimi, patrz: П.В. Акульшин, *Генерал-губернатор А.Д. Балашов*, „Отечественная история” 2004, № 2.

Бывшему министру полиции поручалось выполнение ответственной миссии – подготовить к будущим преобразованиям центральные губернии страны. А.Д. Балашов получил 1 ноября 1819 г. аудиенцию, в ходе которой Александр I еще раз изложил сановнику свои мысли о предполагаемом ходе дальнейших преобразований. Ю необходимости «разделения государственных частей, для успешного направления оных и распределения управительных властей». По словам императора, реализация этой идеи осуществлялась следующим образом. Были уже созданы министерства, деятельность которых объединял Комитет министров, образован разделенный на отдельные департаменты Государственный совет. «Дальнейшему учреждению сего хода воспрепятствовала война, минование оной же и утверждение прочного мира в Европе ныне позволяет [...] обратиться снова к предмету внутреннего управления». Император предполагал сделать это путем образования генерал-губернаторских округов. Первый из них должен быть тот, куда назначался А.Д. Балашов, затем предполагалось «распределить и все государство на подобное ему»²³.

Служебная биография А.Д. Балашова, как и других представителей «просвещенной» бюрократии в провинции, свидетельствовала о том, что местное чиновничество и дворянство относилось ко многим их действиям с непониманием, а порой с открытой враждебностью. В частности, А.Д. Балашов стал жертвой целого ряда доносов, в которых генерал-адъютант Александра I обвинялся в покушении на основы государственного порядка Российской империи²⁴. Это убедительно свидетельствовало о том, что время кардинальных реформ в России 1820-х гг. еще не наступило. Конфликты с провинциальным обществом, в которые оказались вовлечены представители «просвещенной» бюрократии, позволяют предположить, что осторожность императора Александра I в реформаторских действиях, доходившая порой до полной бездеятельности, была скорее сильной, чем слабой стороной императора как государственного деятеля. Он пытался соотносить свои политические идеалы с окружающей реальностью, понимая, что даже его огромная власть самодержавного правителя не может быстро изменить облик подвластной страны. Преобразования, по мере распространения «просвещения» и появления новых представителей власти, которые бы разделяли его реформаторские планы, а не являлись бы бездумными исполнителями воли монарха, должны были осуществляться только постепенно.

Представителям двух поколений «просвещенной» бюрократии не удалось добиться всех желаемых ими изменений в жизни России, но их деятельность не пропала даром. Многие ее итоги стали заметны и в общероссийском масштабе, и в отдельных регионах только спустя несколько десятилетий после их начала.

²³ *Всеподданнейший доклад генерал-адъютант А.Д. Балашова о первоначальном основании управления округа его порученного, [w] Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений. Отдел полицейский, cz. 1, dz. 1, Sankt Petersburg 1870, s. 114.*

²⁴ И.Н. Скобелев, *Письмо И.И. Дибичу, 14 мая 1826 г.* - Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, zesp. 859, Н.К. Шильдера, karton 17, sygn. 6, k. 24-25; Гр. Н.С. Мордвинов, А.А. Закревский, П.Д. Киселев, кн. А.Г. Голицын, А.Д. Балашов и А.И. Ермолов в доносе на них в 1826 г., „Русская старина” 1881, № 1, s. 190.

Один из провинциальных мемуаристов Д.И. Ростиславлев, вспоминая о недовольстве его рязанских земляков усилиями генерал-губернатора по благоустройству дорог, писал в пореформенную эпоху: «Ныне, когда деревья, посаженные по большой дороге, разрослись в пятидесятилетние деревья и во многих местах составляют почти настоящие тенистые аллеи, ныне многие восхищаются ими и прозорливостью Балашова»²⁵.

В долгосрочной перспективе все эти изменения оказались важным звеном в растянувшемся на столетия переходе от планов, которые обсуждались в Негласном комитете и разрабатывались М.М. Сперанским, к реформам середины столетия. Реформаторы 1860-х гг. получили в наследие от «просвещенной» бюрократии первой половины XIX в. не только идейные импульсы, но и действенные рычаги для модернизации страны.

Провинциальная среда в первой половине XIX в. не только испытала постепенно возрастающее воздействие «просвещенной» бюрократии, но и сама оказала определенное влияние на эту часть правящей элиты Российской империи, социальные корни которой были тесно связаны с поместным дворянством. Новые идеи медленно, но прокладывали себе дорогу в среде «благородного сословия», где вплоть до середины XIX в. господствовали патриархальные традиции. Только постепенно провинциальное «вольтеррианство» конца XVIII- начала XIX, которое вполне уживалось с крепостническими порядками, через распространение масонства и религиозные искания стало перерастать в мысли о необходимости изменения существующих социально-политических порядков. Но предложения, которые выдвигали даже наиболее решительно настроенные сторонники преобразований из числа провинциального дворянства, оказавшиеся в рядах членов тайных обществ декабристов, не выходили за рамки того, что уже было сформулировано «просвещенной» бюрократии. На протяжении 1810-1840-х гг. наиболее образованная часть местного дворянства пытались реализовать свои реформаторские идеалы, прежде всего, путем бюрократической карьеры. Само существование таких правительственных чиновников свидетельствовало о том, что взгляды «просвещенных» бюрократов и их политическая практика не были уникальным явлением, свойственным лишь единичным представителям правящей элиты. Они были присущи определенному слою российского дворянства, которое пыталось реформировать страну, используя как инструмент государственную службу.

Для своей эпохи общественно-политическая программа «просвещенной» бюрократии имела, несомненно, прогрессивный характер. В Российской империи первой половины XIX в., где еще не существовало других субъектов политической деятельности кроме монарха и государственного аппарата, «просвещенная» бюрократия не только стала носителем реформаторских начал в правительственной политике, но и наиболее полно выразила реформаторские настроения дворянства. Только к середине 1850-х гг. в дворянской среде появились последовательные сторонники реформ, готовые сами выступить в роли субъекта

²⁵ Д.И. Ростиславлев, *Записки*, „Русская старина“ 1894, № 12, с. 65.

преобразовательской деятельности. Среди них общероссийскую известность получили члены кружка славянофилов, часть из которых целенаправленно отказались от бюрократической карьеры, считая своим главным предназначением хозяйственную и общественную деятельность. Но даже в эти годы их стремления к модернизации страны не могли увенчаться успехом без решительных действий со стороны нового поколения бюрократии, стремившейся к этой же цели, но располагающими таким эффективным орудием как административный ресурс.

Streszczenie

Piotr Akulshin

„Oświecona” biurokracja pierwszej połowy XIX wieku i problem reformowania Rosji

W kręgach rządzących Rosji panowało dążenie do zachowania obowiązującego status quo i odrzucanie samej możliwości przemian. Jednak to do stronników przemian należała przyszłość zrealizowana w wielkich reformach lat 60- i 70-ch XIX wieku. Ich przygotowanie i przeprowadzenie było związane z całą plejadą działaczy państwowych panowania Aleksandra II, których określa się „liberalną biurokracją”. Jednak ich sukces został przygotowany przez ich poprzedników – „oświeconych” biurokratów z pierwszej połowy XIX wieku. Termin ten nawiązuje do idei „wieku oświecenia”, jak i odpowiada ich osiągnięciom w wielu dziedzinach, zwłaszcza nauce i oświacie. Ich program był postrzegany jako progresywny, tym trudniej było im głosić i realizować swoje plany. W Imperium Rosyjskim pierwszej połowy XIX wieku, gdzie jeszcze nie było innych podmiotów polityki niż monarcha i aparat państwowy, „oświecona” biurokracja stała się nosicielem reformatorskich idei w polityce i wyrazicielem takich nastrojów szlachty.

Summary

Peter Akulshin

“Enlightened” bureaucracy first half nineteenth century and the problem of reforming Russia

In the ruling circles of Russia there was the desire to maintain the current status quo and reject the possibility of changes. However, the future belonged to the supporters of changes, the future realized in the great reforms of the 60s and 70-ch nineteenth century. Their preparation and implementation was associated with statesmen reign of Alexander II, which defines the “liberal bureaucracy”. However, their success has been prepared by their predecessors - “enlightened” bureaucrats from the first half of the nineteenth century. This term refers to the idea of the “age of enlightenment”, but also reflects their achievements in many areas, especially science and education. Their program was seen as progressive, the harder it was to them to proclaim and realize their plans. In the the Russian Empire the first half of the nineteenth century, where yet there was no other political actors than the monarch and the state apparatus, “enlightened” bureaucracy has become the carrier of reform ideas in politics and exponent of progressive sentiments of the nobility.

